
ПК
15
М-17
Максимейко Н. А
Русская Правда
и Литовско-Русское
право. - Киев - 1904

Н. А. Максимейко.

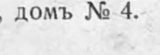
РУССКАЯ ПРАВДА

И

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ПРАВО.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко. Пушкинская ул., домъ № 4.
1904.

Оттискъ изъ Сборника статей по исторіи права, изданнаго подъ редакціей проф. М. Ясинскаго въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Глубокоуважаемому
Максиму Максимо[вичу]
Ковалевско[му]
от ав[тора]

Русская Правда и литовско-русское право [1]).

Какое право выражено въ Русской Правдѣ? Господствующее мнѣніе отвѣчаетъ, что въ ней содержится русское уставное и обычное право съ нѣкоторой примѣсью статей, заимствованныхъ изъ византійскихъ источниковъ. Едва ли можно удовлетвориться такимъ общимъ отвѣтомъ на предложенный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ въ бѣглыхъ чертахъ состояніе древне-русскаго права. Если теперь, при господствѣ законодательства и государственнаго единства, все же не существуетъ единаго общерусскаго права, то въ старину и подавно. Тогда жили по обычному праву, а оно отличается въ высокой степени свойствомъ мѣстнаго разнообразія. Такъ, нашъ лѣтописецъ говоритъ о различіи въ обычаяхъ у полянъ, древлянъ, сѣверянъ и др. племенъ. Но еще лучшимъ свидѣтельствомъ мѣстнаго разнообразія въ древне-русскомъ правѣ являются уставныя грамоты Литовскаго и Московскаго государствъ, которыя выдавались правительствомъ отдѣльнымъ землямъ. Изъ нихъ видно, что каждая земля имѣла свое особое право. Надо имѣть въ виду, что уставныя грамоты относятся къ эпохѣ сравнительно поздней, главнымъ образомъ, къ 15 и 16 в.в., когда государственное объединеніе земель сдѣлало уже значительные успѣхи. Что же было раньше, при полной политической ихъ разобщенности, когда составлялась Р. Правда? Замѣчается также разнообразіе русскаго права и по районамъ болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ отдѣльныя княжества;

[1]) Въ основѣ этой статьи лежитъ докладъ, читанный авторомъ на XII археологическомъ съѣздѣ. Но въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: съ одной стороны выброшено разсужденіе объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой по Русской Правдѣ сравнительно съ литовско-русской пыткой; съ другой стороны, прибавлено нѣсколько страницъ, посвященныхъ вопросу о мести, личныхъ наказаніяхъ и объ отвѣтственности общины по Р. Правдѣ.

при чемъ это разнообразіе характеризуется болѣе рѣзкими и устойчивыми отличительными чертами. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ исторіи русскаго права три правовыхъ системы: 1) право Сѣверо-восточной Россіи, выразившееся въ московскихъ Судебникахъ и въ Уложеніи 1649 г.; 2) право Литовской Руси, лучшимъ воплощеніемъ котораго является Литовскій Статутъ, и 3) право Сѣверо-западнаго края, кодифицированное въ Судныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова.

Достаточно ли, при такихъ различіяхъ русскаго права, сказать, что въ Р. Правдѣ отражается древне-русское право? Нѣтъ, всякій въ правѣ ожидать болѣе точнаго и детальнаго опредѣленія. Можетъ быть одно изъ двухъ: или право Р. Правды сборное, компилятивное, разномѣстное и въ такомъ смыслѣ общерусское, или же оно должно быть пріурочено къ опредѣленной мѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы рѣшить, какая земля наложила свой отпечатокъ на Р. Правду. Если же для отвѣта на этотъ вопросъ не окажется надлежащихъ данныхъ, то по крайней мѣрѣ надо выяснить, къ какой изъ трехъ названныхъ системъ права принадлежитъ она.

Р. Правда заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на ту мѣстность, въ предѣлахъ которой примѣнялись ея нормы. Въ числѣ ея источниковъ названы уставы Ярослава Мудраго, его сыновей—Изяслава Святослава и Всеволода, и, наконецъ, Владиміра Мономаха. Ярославъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ, Владиміръ Мономахъ въ Черниговѣ, Переяславлѣ и Кіевѣ. Слѣдовательно, составитель Р. Правды включилъ въ нее законодательныя постановленія князей южной Руси и отчасти Новгорода. Но преобладающій источникъ ея не законодательство, а судебная практика. Большинство ея статей взято изъ судебныхъ рѣшеній тѣхъ же князей, т. е. Ярослава Мудраго и его преемниковъ. Вотъ почему въ Р. Правдѣ часто говорится то о судѣ Ярослава, то о судѣ Ярославлихъ дѣтей. Итакъ, изъ обзора источниковъ Р. Правды слѣдуетъ, что содержаніе ея должно быть пріурочено къ территоріи не одного, а нѣсколькихъ княжествъ. При этомъ необходимо замѣтить, что едва ли найдется много новгородскихъ элементовъ въ ея содержаніи, потому что уставная и судебная практика одного Ярослава Мудраго въ бытность его новгородскимъ княземъ не могла быть особенно значительна. Несравненно больше матеріала для Р. Правды должна была дать дѣятельность того же Ярослава и его преемниковъ въ Южной Руси. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему составитель сборника назвалъ его Русской Правдой. Въ ту эпоху терминъ „русскій" не обозначалъ всей терри-

торіи Россіи, а примѣнялся только къ названію Кіевской Руси. Въ такомъ же точно смыслѣ употребленъ этотъ терминъ Р. Правдой въ отношеніи къ сыновьямъ Ярослава—Изяславу, Святославу и Всеволоду, которые въ нѣкоторыхъ спискахъ ея названы русскими князьями.

Однако высказанныя соображенія нельзя считать достаточно вѣскими основаніями, чтобы опредѣлить мѣсторожденіе Р. Правды. Это все только намеки на рѣшеніе вопроса. Полная же разгадка его дается лишь при сличеніи Р. Правды съ литовско-русскимъ правомъ.

Такого рода сравненія не новость въ научной литературѣ. Но этотъ старый, уже испробованный, пріемъ я нѣсколько модифицирую Во 1-хъ, до сихъ поръ Р. Правда являлась пособіемъ для объясненія литовско-русскаго права; по отношенію къ послѣднему она играла служебную роль. Напр., проф. Ѳ. И. Леонтовичъ сравнивалъ ее съ Литовскимъ Статутомъ для того, чтобы доказать необходимость включенія въ исторію русскаго права и литовско-русскаго законодательства. Я занимался такими же сличеніями съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить объемъ вліянія русскаго обычнаго права на Литовскій Статутъ (см. „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“) и т. д. Теперь мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы идти обратнымъ путемъ, т. е. отъ литовско-русскаго права къ Р. Правдѣ и въ первомъ искать свѣта для объясненія второй. Во 2-хъ, я не утверждаю, что существуетъ сходство только между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ; въ извѣстной мѣрѣ его можно найти и при сравненіи ея съ Псковской судной грамотой и московскимъ законодательствомъ. Иначе и быть не можетъ, потому что всѣ эти памятники суть мѣстныя варіаціи одного и того же, въ корнѣ своемъ тождественнаго, русскаго права. Но я имѣю въ виду указать не эти общія черты сходства, а спеціальныя особенности Р. Правды, сближающія ее съ правомъ литовско-русскимъ и, наоборотъ, отдаляющія ее отъ новгородско-псковскаго и московскаго права. Эти особенныя черты сходства дадутъ намъ основаніе высказать то положеніе, что родина Р. Правды находится на территоріи Литовско-Русскаго государства, что Р. Правда, заключая въ своей основѣ общерусскія начала права, въ то же время примыкаетъ къ спеціальной ея вѣтви, именно—къ литовско-русскому праву.

Обратимся прежде всего къ постановленіямъ Р. Правды по уголовному праву.

Р. Правда разсматриваетъ увѣчье, какъ преступленіе противъ жизни, а не противъ здоровья. Увѣчье отнимаетъ у потерпѣвшаго полжизни, умаляетъ его вѣкъ на половину. Поэтому за увѣчье взыскивался

штрафъ, называвшійся полувирой. Такой же взглядъ на это преступленіе мы находимъ въ литовско-русскомъ правѣ. Слуга пана Миколая Ганшеевича изувѣчилъ паробка; судъ рѣшилъ: „естли будетъ тотъ паробокъ на который члонокъ ображонъ, маетъ за того паробка тотъ слуга заплатити за половицу человека полтрети копы грошей“ [2]). Судъ разсматривалъ жалобу берестейской мѣщанки и вынесъ такую резолюцію: такъ какъ „она рукою не владнеть, присудили есмо той мещанце за полневѣсты водлугъ того, ижъ вѣчне на руку хрома“ и т. д. [3]). Такія же постановленія объ увѣчьѣ находимъ и въ Литовскомъ Статутѣ [4]).

Въ Р. Правдѣ удары батогомъ, чашей, рогомъ и *тылесницей*, т. е. тупой стороной меча, считались не только преступленіемъ противъ здоровья, но въ то же время и оскорбленіемъ чести. Поэтому виновный платилъ особенно высокій штрафъ—12 гривенъ. Такъ же характеризуются эти дѣянія и въ судебной практикѣ великаго княжества Литовскаго въ 15 и въ началѣ 16 в. Напр., бояринъ Матей Яновичъ напалъ на Андрея Чеха „и почалъ его бити кордомъ—*тыльемъ*“, т. е. тупой стороной меча. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ заплатить Андрею Чеху „за бой безчестье шляхетское водлугъ обычая 12 рублевъ грошей“ [5]).

Въ чемъ состоялъ институтъ мести по Русской Правдѣ? Проф. В. И. Сергѣевичъ въ послѣднемъ изданіи своихъ Лекцій и изслѣдованій (1903 г.) говоритъ: „по Русской Правдѣ месть есть исполненіе, предшествующее приговору, а не слѣдующее за нимъ; Русская Правда сохранила указанія только на досудебную месть“ (стр. 378). Высоко ставя научный авторитетъ В. И. Сергѣевича, я позволю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Основанія слѣдующія. Въ тѣхъ самыхъ спискахъ Р. Правды, которые говорятъ о мести за убійство, какъ о дѣйствующемъ правѣ (напр., Ак. сп., 1),—въ этихъ спискахъ въ то же время запрещается самоуправство: „или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а въ гнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечници 12 гривнѣ“ (Ак. сп., 31 и 32). Если безъ разрѣшенія князя (судебной власти) нельзя было мучить, то тѣмъ болѣе нельзя было убить. Этотъ косвенный выводъ прямо подтверждается 38 ст. Акад. сп.: вора, пойманнаго и связаннаго, потерпѣвшій не въ правѣ

---

[2]) Лит. Метрика, кн. III Судныхъ дѣлъ, л. л. 67—68.

[3]) Лит. Метр., кн. III Судн. дѣлъ, л. 14.

[4]) 1 ред., VII разд., 9 арт.

[5]) Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, л. л. 34—36.

былъ убитъ; онъ долженъ былъ вести его на княжій дворъ для суда. Я предвижу возраженіе: скажутъ, что статьи 1, 31 и 32, хотя онѣ и въ одномъ спискѣ, тѣмъ не менѣе относятся къ разнымъ эпохамъ, что ст. 31 и 32 записаны въ Р. Правду тогда, когда месть уже вышла изъ употребленія; слѣдовательно, на нихъ нельзя ссылаться при объясненіи 1-й статьи. На чемъ однако основано мнѣніе о разновременномъ происхожденіи названныхъ статей? Только на предвзятой мысли, что месть Р. Правды была актомъ самоуправства. Изъ такого основанія едва ли можно дѣлать какіе-либо выводы: месть Р. Правды есть величина неизвѣстная, которую надо еще опредѣлить. Далѣе, тексту разбираемой статьи о мести (Ак. сп., 1) въ нѣкоторыхъ спискахъ предшествуетъ заглавіе: „судъ о душегубствѣ“, а въ другихъ спискахъ она озаглавлена: „судъ Ярославль Володимеричь о душегубствѣ“. Значитъ, убійцу судили; месть за убійство была слѣдствіемъ судебнаго опредѣленія, а не актомъ самоуправства. Тотъ же самый выводъ получается изъ сопоставленія 1-й и 2-й ст. Карамз. списка. Первая статья говоритъ о судѣ Ярослава Мудраго по дѣламъ о душегубствѣ. Судъ состоялъ въ томъ, что убійца подвергался мести со стороны родственниковъ убитаго. Статья вторая по этому поводу замѣчаетъ, что при сыновьяхъ его произошло измѣненіе въ судебной практикѣ. Они отмѣнили убіеніе за голову, назначавшееся прежде, и установили денежный выкупъ, а все прочее осталось попрежнему. Статья вторая находится въ непосредственной связи съ первой: отмѣняя ее, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ вспомогательнымъ источникомъ для истолкованія ея смысла. Очевидно, что месть 1-й ст. и есть то убіеніе преступника, которое имѣло мѣсто въ судебной практикѣ Ярослава Мудраго и было отмѣнено его сыновьями. Это—смертная казнь, но не въ современномъ смыслѣ этого слова. Она совершалась не исполнительными органами государства, а родственниками убитаго. Наконецъ, наше толкованіе института мести подтверждается лѣтописью. Оказывается, что точно такъ же смотрѣли на месть и современники Р. Правды. Подъ 1070 г. лѣтописецъ разсказываетъ о казни волхвовъ на Бѣлоозерѣ: воевода князя Святослава выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ, и они предали осужденныхъ смерти [6]). По поводу половецкаго набѣга 1093 г. лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „ови ведутся полонени, друзіи посѣкаеми бываютъ, друзіи *на местъ даеми бываютъ*, горкую *смерть пріемлюще*“ [7]) и т. д.

---

[6]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 313—314.

[7]) П. Мрочекъ-Дроздовскій, Изслѣдованіе о Р. Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 14.

Итакъ, месть Р. Правды есть исполненіе судебнаго приговора, а не актъ самосуда. Это положеніе, установленное нами относительно убійства путемъ сопоставленія различныхъ данныхъ, прямо выражено въ Р. Правдѣ относительно нанесенія ранъ и побоевъ: потерпѣвшій, если онъ окровавленъ или покрытъ синяками, не обязанъ представлять свидѣтеля; но если на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то необходимъ свидѣтель; доказавъ свое обвиненіе, потерпѣвшій могъ мстить обидчику или же взять съ него денежный выкупъ (Ак. сп., ст. 2).

Месть съ такимъ значеніемъ составляла характерную черту литовско-русскаго права, гдѣ она удерживалась въ теченіе долгаго времени. Преступникъ, осужденный на смерть, выдавался потерпѣвшимъ или ихъ родственникамъ. Послѣдніе приводили судебный приговоръ въ исполненіе, но могли и пощадить преступника, взявъ съ него выкупъ [8]).

Доказательство существованія въ Р. Правдѣ досудебной мести обыкновенно видятъ въ 21 ст. Карамз. сп.: „оже кто ударить кого батогомъ, или чашею, или рогомъ, любо тылисницею, то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому тнеть мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ“. Но толкованіе этой статьи должно быть ограничительнымъ. Если она и говоритъ о досудебной мести, то не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія. По общему порядку самоуправство запрещалось, а здѣсь оно допущено. Что статья 21 заключаетъ въ себѣ изъятіе изъ общихъ нормъ, это обнаруживается въ самой формулировкѣ ея: „не терпя ли противу тому тнеть мечемъ, *то вины ему въ томъ нѣтъ*“. Эта послѣдняя оговорка была бы лишней, если бы досудебная месть составляла нормальное состояніе общественной жизни. Разрѣшеніе личной расправы въ данномъ случаѣ основывается не на внѣшнихъ условіяхъ общежитія, допускавшихъ месть, а на особенномъ психологическомъ состояніи потерпѣвшаго: онъ не могъ „стерпѣть“ побоевъ, нанесенныхъ позорящими орудіями. Это психологическое основаніе допущенія мести доказывается аналогичной 3-й ст. Ак. сп.; тамъ сказано: „аще сего не постигнуть, то платити ему“. Слѣдовательно, если обидчикъ успѣлъ уйти, то потерпѣвшій лишался права мести; его раздраженное чувство должно было болѣе или менѣе успокоиться, и онъ могъ уже овладѣть собою. При такомъ пониманіи этой статьи, мнѣ кажется, что она не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго для эпохи мести. Подобное постановленіе мыслимо и на высшихъ ступеняхъ правового развитія.

Въ литовско-русскомъ правѣ 16 в. мы находимъ правило, тождественное съ разсмотрѣннымъ постановленіемъ Р. Правды: „естли бы

---

[8]) Лит. Стат. 1529 г., VII разд., 30 арт.; XIII разд., 6 и 25 арт.

хто мялъ кого гдежъ кольвекъ збити, а оный збитый, хочъ бы *мало погодивши*, не зыскуючи правомъ на томъ, хто его збилъ, а *на другомъ местцы* мялъ бы оному, хто его збилъ, мстити бою своего, а бити его, тогды тотъ, который бы мялъ то вчинити, бой свой первый тратить и того, кому ся мстилъ бою своего, ма навязати водлугъ стану его [9]). Отсюда вытекаетъ то же положеніе, которое высказано въ Р. Правдѣ: можно было мстить за обиду немедленно послѣ ея причиненія и на томъ же самомъ мѣстѣ. Иначе, при отсутствіи этихъ условій, месть преступна.

Р. Правда запрещаетъ мучить огнищанина, смерда и др. безъ позволенія князя (Кар. сп , 89 и 90; Ак. сп., 31 и 32). Мучить—значитъ подвергать наказанію. Слѣдовательно, можно было наказывать по суду, а значитъ, Р. Правда знаетъ личныя наказанія съ тою особенностью, что выполненіе ихъ было предоставлено самодѣятельности потерпѣвшихъ. Въ Р. Правдѣ не только присутствуетъ понятіе личныхъ наказаній въ указанномъ смыслѣ, но она упоминаетъ отдѣльные виды ихъ. Месть за убійство, какъ выяснено раньше, была смертной казнью по рѣшенію суда. При Ярославѣ Мудромъ смертной казни подвергался также холопъ, ударившій свободнаго мужа (Ак. сп., 16; Кар. сп., 76). При сыновьяхъ Ярослава за это преступленіе было назначено тѣлесное наказаніе (Кар. сп., 76). Русская Правда отмѣчаетъ и частный видъ тѣлесныхъ наказаній—битье кнутомъ „у колокольници“ (Кар. сп., 135). Наконецъ, ей извѣстно лишеніе свободы: „а посидить у дворянина“ (ibid.). Собственно Р. Правда предусматриваетъ случай самовольнаго наказанія кнутомъ или лишеніемъ свободы и считаетъ такое самоуправство преступнымъ. Но, очевидно, эти дѣянія признавались правомѣрными, если они совершались на основаніи судебнаго рѣшенія.

Указанная особенность Р. Правды продолжаетъ жить въ литовско-русскомъ правѣ; тамъ примѣненіе личныхъ наказаній къ преступнику въ большой мѣрѣ зависѣло отъ воли потерпѣвшаго [10]).

Въ литературѣ господствуетъ мнѣніе, что на общинѣ въ эпоху Р. Правды лежала обязанность ловить и выдавать судьямъ преступниковъ. Это мнѣніе основано на двухъ статьяхъ Р. Правды: 1) „аже кто убіеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищуть, то вервьную платити въ чей же верви голова лежить“ (Кар. сп., 3); 2) „оже будуть рассѣчена земля или на земли знаменіе, имъ же ловлено, или

---

9) Не имѣя подъ руками Актовъ Виленской комиссіи, гдѣ напечатанъ этотъ документъ, цитирую его по книгѣ Г. В. Демченко: Наказаніе по Л. Статуту, стр. 211.

10) Г. В. Демченко, Наказаніе по Л. Статуту, стр. 219 и 220.

сѣть, то по верви искати къ себѣ татя, а любо продажа платити" (Кар. сп., 80). Первая статья толкуется такъ: община платила, если виновный въ убійствѣ на разбоѣ не былъ отысканъ. Точно такъ же смотрятъ и на вторую статью: она будто бы предписываетъ общинѣ найти вора или платить штрафъ. Думаемъ, что въ Р. Правдѣ отсутствуетъ такая полицейская точка зрѣнія. Прежде всего текстъ цитированныхъ статей противорѣчитъ изложенному толкованію. Статьи говорятъ объ обязанности *искать*, а не *отыскать* преступника: „а головника не ищуть", „искати къ себѣ татя". Члены общины отвѣчали только въ томъ случаѣ, если они отказывались искать преступника, несмотря на уличающіе ихъ слѣды преступленія. Если же они искали и не находили, то и отвѣтственности не подлежали. Этотъ выводъ находитъ себѣ подкрѣпленіе въ статьѣ Р. Правды о гоненіи слѣда: село, къ которому приводилъ слѣдъ татя, подвергалось отвѣтственности лишь тогда, когда жившіе въ немъ не шли искать преступника или не отводили отъ себя слѣда (Кар. сп., 88).

Совсѣмъ иное мы видимъ въ московскомъ правѣ, гдѣ существовали такія правила: „а не найдутъ душегубца, и они дадутъ намѣстникамъ 10 рублей"; „а не доищутся душегубца, и они дадутъ намѣстникомъ и третчикомъ и тіуномъ московскимъ вѣры за голову 4 рубля" [11]) и т. д. Здѣсь дѣйствительно принципъ отвѣтственности только виновныхъ принесенъ въ жертву полицейскому требованію открытія преступленій; здѣсь дѣйствительно община подъ угрозой отвѣтственности обязана была найти преступника. Если такъ, то едва ли можно считать московскіе порядки продолженіемъ того, что заключается въ Р. Правдѣ, какъ думаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ [12]).

Напротивъ, наблюдается полное сходство въ этомъ отношеніи между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ. Здѣсь, какъ и въ Р. Правдѣ, объ отвѣтственности общины говорится въ двухъ случаяхъ — за убійство и за кражу. По Л. Статуту община, отказавшаяся, въ лицѣ своихъ членовъ, искать убійцу или не пожелавшая отклонить отъ себя подозрѣніе посредствомъ очистительной присяги, платила головщину [13]). Точно такъ же село отвѣчало за кражу, если его жители отказывались присягнуть, что среди нихъ нѣтъ преступника, или если они не отводили отъ себя слѣда, оставленнаго воромъ, или же затаптывали его [14]).

---

[11]) В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 1903 г., стр. 390.

[12]) ibid.

[13]) 2 ред., XI разд., 31 арт.

[14]) 1 ред., XIII разд., 5 арт.; 2 ред., XIV, 16.

Посмотримъ, что даетъ для сравненія Р. Правда въ области гражданскаго права.

О наслѣдственныхъ правахъ вдовы Р. Правда говоритъ такъ: „аще жена сядеть по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужъ возложилъ, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ" (Кар. сп., 106). Итакъ, жена не наслѣдуетъ мужу, но и не остается безъ средствъ послѣ его смерти. Р. Правда различаетъ имущество, которое достается ей по закону, и имущество, которое „возложилъ", т. е. подарилъ или завѣщалъ ей, мужъ. Затѣмъ, по отдѣльнымъ выраженіямъ цитированной статьи можно замѣтить различіе правъ вдовы на то и другое имущество: во второмъ случаѣ она является „госпожей", собственницей подареннаго или завѣщаннаго ей имущества; но названіе ея здѣсь „госпожей" отрицательно указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ она не получала права собственности. Дѣйствительно, въ статьѣ сказано, что она беретъ эту часть у своихъ дѣтей, т. е. эта часть выдѣляется ей изъ наслѣдства дѣтей. Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что это имущество имѣло прожиточный характеръ, т. е. оставалось въ пожизненномъ пользованіи матери-вдовы, а послѣ ея смерти возвращалось тѣмъ, у кого оно было взято, т. е. дѣтямъ.

Такое толкованіе Р. Правды подтверждается литовско-русскимъ правомъ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали такіе же порядки, какъ и въ Р. Правдѣ. Обыкновенно мужъ записывалъ женѣ часть своего имѣнія, которая называлась вѣномъ. Вѣномъ вдова могла распоряжаться, какъ собственница. Но если вѣно не было записано ей, въ такомъ случаѣ она получала въ пожизненное пользованіе часть изъ наслѣдственной массы. Напр., въ одномъ судебномъ рѣшеніи отъ начала 16 в. этотъ порядокъ излагается въ слѣд. выраженіяхъ: „которая вдова по мужы своемъ останетъ, а вена записаного, ани жадное оправы отъ мужа своего мети не будетъ, таковая часть межы детми маетъ мети и тую часть маетъ держать и вжывати до своего жывота, а по ее смерти тая часть зася на дѣтей спасти маеть". Изъ другихъ многочисленныхъ актовъ Литовской Метрики видно, что эта часть матери-вдовы была равныхъ размѣровъ съ тѣми частями, которыя получали сыновья.

Относительно правъ вдовы мы находимъ въ Р. Правдѣ еще слѣд. постановленіе: „не хотѣти ли еи начьнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнеть всяко сидѣти восхощеть зъ дѣтми, то сотворити всяку волю ея, а дѣтемъ не дати воли; но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же еи и сидѣти съ дѣтми, или свою часть вземше сидитъ же" (Кар. сп., 113).

Смыслъ статьи тотъ, что вдова можетъ оставаться на имѣніи и въ домѣ умершаго мужа, несмотря на протесты наслѣдниковъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ Въ случаѣ несогласія и ссоръ между вдовой и наслѣдниками судъ всегда становился на сторону первой. Напр., боярыня смоленская Ѳедьковая Рогозича жаловалась на своихъ деверей за то, что они выгнали ее изъ имѣнія ея умершаго мужа, въ которомъ она сидѣла, какъ на вдовьемъ стольцѣ; вел. князь и паны рада постановили: „маеть она на вдовиномъ столци мѣшкати до своего живота, а если похочеть она замужъ поити, и они мають ей вѣнець ее заплатити подлугъ обычая правъ земскихъ“ [15]). Относительно княжны Чарторыйской Ульяны вел. князь рѣшилъ такъ: „а не похочеть ли она послѣ смерти мужа замужъ пойти, то маеть она на всихъ имѣньяхъ мужа своего мешкати до своего живота водлугъ обычая и права земского на вдовьемъ столци“ [16]) и т. д.

Такимъ образомъ, обычное право Литовско-Русскаго государства относительно наслѣдственныхъ правъ вдовы совпадаетъ съ постановленіями Р. Правды и ихъ разъясняетъ.

Какъ извѣстно, Р. Правда стѣсняетъ завѣщательный произволъ отца. Онъ могъ завѣщать свое имущество только тѣмъ, кто и по закону наслѣдовалъ. Исключеніе составляла церковь, въ пользу которой разрѣшалось оставлять часть имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. Такія же ограниченія завѣщательнаго права мы встрѣчаемъ и въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Напр., въ началѣ 16 в. староста берестейскій панъ Янъ Юрьевичъ Ильинича жаловался вел. князю, что отецъ обошелъ его въ завѣщаніи и устранилъ отъ наслѣдства безъ всякой вины съ его стороны. Вел. князь велѣлъ допустить его къ наслѣдованію наравнѣ съ братьями [17]). Тогда же одинъ смоленскій бояринъ завѣщалъ часть своихъ имѣній на церковь, а другую часть постороннему лицу. Сестра этого боярина жаловалась вел. князю по поводу такого распоряженія, и вел. князь рѣшилъ, что наслѣдодатель „неслушнымъ обычаемъ отъ близкое сестры своее всю отчину свою отписалъ, и такъ есмо вчинили, подлугъ обычая правъ земскихъ,—тотъ дворъ присудили сестрѣ его“. Завѣщаніе въ пользу посторонняго было кассировано въ интересахъ законной наслѣдницы, но распоряженіе въ пользу церкви осталось въ силѣ (Лит. Метр., кн. VIII Записей, л. л. 284—об.).

[15]) Лит. Метр., кн. VIII Записей, л. л. 286—287.

[16]) Лит. Метр., кн. XII Записей, л. 152.

[17]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. л. 280—281.

Р. Правда предоставляетъ болѣе широкій просторъ завѣщательному усмотрѣнію матери-вдовы: „а матерня часть дѣтемъ не надобѣ, но кому мати всхощеть, тому дасть: дасть ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять... А матери, который еи сынъ будеть добръ... тому же дасть все, аще ли и всѣ синове ея будутъ лиси, а дщери можеть дати, кто ю кормить“ (Кар. сп., 114 и 116); т. е. мать можетъ завѣщать свое имущество всѣмъ дѣтямъ или же кому-либо одному изъ нихъ; кромѣ того, она можетъ обойти сына и завѣщать дочери. Такимъ образомъ, въ Р. Правдѣ проводится различіе между отцовскимъ и материнскимъ имуществомъ. Это различіе составляетъ харатерную особенность литовско-русскаго права. По литовско-русскому праву материзной можно было распоряжаться болѣе свободно, чѣмъ отчиной. Кромѣ законодательныхъ памятниковъ, до насъ дошло много судебныхъ актовъ отъ 15 и 16 в.в., иллюстрирующихъ это положеніе. Напр., жена воеводы кіевскаго Андрея Немировича завѣщала свои деньги дочери Маринѣ, обошедши ея брата и сестру; вел. князь и паны-рада, разсмотрѣвши это дѣло, „присудили подле тестаменту матки ее, а братъ и сестра ее въ тые пенязи не мають ся уступати“ [18]) и т. д.

Въ Р. Правдѣ есть слѣд. статья: „аще будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“ (Кар. сп., 110). Это значитъ: дѣти отъ рабыни-наложницы не получаютъ наслѣдства послѣ смерти своего отца и господина, но отпускаются вмѣстѣ съ матерью на волю. Въ актахъ Литовской Метрики мы находимъ судебное рѣшеніе, постановленное на основаніи этого правила. Нѣкій бояринъ Кондратъ прижилъ отъ своей холопки-наложницы пять сыновей и одну дочь. Затѣмъ онъ вступилъ въ законный бракъ съ шляхтянкой, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Послѣ его смерти имущество его, по судебному постановленію, перешло къ племянницѣ; дѣти же рабыни были устранены отъ наслѣдства, но получили свободу [19]).

Р. Правдѣ извѣстна опека: „а оже будеть у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжи ся сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замужь, то кто имъ ближній будеть, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и зъ домомъ, донежѣле возмогуть“ (Кар. сп., 111). Никакихъ слѣдовъ этого постановленія мы не находимъ ни въ Новгородѣ и Псковѣ, ни въ Москвѣ. Между тѣмъ въ литовско-русскомъ правѣ оно уцѣлѣло почти безъ всякихъ измѣненій. Въ актахъ Лит. Метрики есть приказъ вел. князя о назначеніи опеки надъ дѣтьми полоцкаго дворя-

[18]) Лит. Метр., кн. IV Судн. д., л. 202.

[19]) Лит. Метр., кн. I Судн. дѣлъ, л. л. 65—66.

нина Петра Епимаховича. Вскорѣ послѣ смерти этого дворянина жена его вступила во второй бракъ. Тогда братъ умершаго просилъ вел. князя назначить его опекуномъ надъ оставшимися дѣтьми. Просьба его была уважена на томъ основаніи, что „въ отчизне нашой великомъ князьстве Литовскомъ стародавна тотъ звычай естъ: естли вдова зъ удовьего стольца ступить а пойдеть за другого мужа, тогды детьми и именьи опекаются близкіи первого мужа ее“ [20]). На Волыни умеръ земянинъ Яковицкій, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей и вдову, которая потомъ вышла замужъ. Братъ Яковицкаго просилъ, чтобы осиротѣвшія дѣти были отданы ему въ опеку. Вел. князь утвердилъ его опекуномъ, „водле обычая и права земского“ [21]).

Р. Правда различаетъ обѣльныхъ холоповъ и закуповъ. Съ этой терминологіей мы не встрѣчаемся болѣе ни въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода, ни въ памятникахъ московскаго законодательства. Значитъ ли это, что они исчезли и вымерли? Нѣтъ, обѣльные холопы и закупы продолжали свое существованіе, но только въ томъ краѣ, гдѣ возникла сама Р. Правда, т. е. на территоріи Литовской Руси. Въ литовско-русскомъ правѣ различались термины: „купить обель“, т. е. пріобрѣсти въ собственность, и „закупить“, т. е. взять въ закладъ. Напр., конюхъ Кревскій говорилъ на судѣ, что онъ заложилъ въ „лихую хвилю“ свою дочь Юхну Громыкѣ за копу грошей. Громыка возражалъ: „продалъ онъ мнѣ девку тую за неволную, а такъ я дѣвку тую въ неволю продалъ обель, якъ обель купилъ“ [22]). Намѣстникъ князя Андрея Сангушковича свидѣтельствовалъ: „князь его милость закупилъ былъ закупа у пяти копахъ грошей у татарина господарского у Легуша, и былъ тотъ закупъ у Мирятичахъ, а такъ того закупа вбили“ [23]) и т. д. Такимъ образомъ, литовско-русское право можетъ служить средствомъ для разрѣшенія вопроса о закупничествѣ, смутно изложеннаго въ Р. Правдѣ и спорнаго въ литературѣ. На этотъ путь уже сталъ мой глубокоуважаемый учитель М. Ф. Владимірскій-Будановъ [24]).

Переходя далѣе къ процессу, мы и здѣсь можемъ указать характерныя особенности Р. Правды, близко сродняющія ее съ литовско-русскимъ правомъ.

Р. Правда ни однимъ словомъ не обмолвилась о судебныхъ поединкахъ. Этотъ пробѣлъ памятника объясняется въ литературѣ раз-

[20]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. 135.

[21]) Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. л. 257—258.

[22]) Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, л. л. 26—27.

[23]) Лит. Метр., кн. III Судн. дѣлъ, л. 92.

[24]) Обзоръ, стр. 38.

лично. Проф. В. О. Ключевскій думаетъ, что составитель Р. Правды зналъ судебный поединокъ, но игнорировалъ его умышленно, не хотѣлъ признавать его, потому что не сочуствовалъ ему. Не сочувствовалъ же онъ судебнымъ поединкамъ, потому что Р. Правда предназначалась для потребностей церковнаго суда, и самъ авторъ ея былъ лицомъ духовнаго класса [25]). Съ такимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, если даже мы станемъ на точку зрѣнія В. О. Ключевскаго, что составитель Р. Правды имѣлъ въ виду нужды церковнаго суда, то и тогда остается непонятнымъ, почему онъ обошелъ молчаніемъ судебные поединки, а между тѣмъ включилъ въ Р. Правду многія положенія, которыя точно также не могли имѣть примѣненія въ сферѣ церковной юрисдикціи, напр., статьи о мести, о вирахъ и продажахъ въ пользу князя и т. п.

Болѣе правдоподобно то мнѣніе, котораго придерживается большинство историковъ права. Говорятъ, что судебные поединки были извѣстны въ эпоху Р. Правды; если же Р. Правда умалчиваетъ о нихъ, то это случайный недосмотръ ея составителя. Мнѣ кажется, что и это толкованіе не можетъ быть принято. Процессуальная сторона права разработана въ Р. Правдѣ обстоятельно. Она говоритъ о многихъ видахъ доказательствъ по гражданскимъ спорамъ, по дѣламъ о побояхъ, ранахъ, убійствѣ, кражѣ и др. Значитъ, было много поводовъ, чтобы упомянуть и о судебныхъ поединкахъ, тѣмъ болѣе, что они не представляются такою мелочью, которую можно было бы забыть.

Всего вѣроятнѣе молчаніе Р. Правды о поединкахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что она возникла въ той мѣстности, гдѣ поединки не практиковались. Ни въ законодательныхъ памятникахъ, ни въ судебныхъ актахъ вел. княжества Литовскаго я не находилъ указаній на судебные поединки.

Р. Правдѣ извѣстны особыя формы процесса—сводъ и гоненіе слѣда. Онѣ удерживаются и въ литовско-русскомъ правѣ и т. д.

Предѣлы статьи, предназначенной для Сборника, не позволяютъ мнѣ входить въ подробности. Но и этихъ бѣглыхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы убѣдиться, въ замѣчательномъ сходствѣ между Р. Правдой и литовско-русскимъ правомъ. Это сходство было результатомъ того обстоятельства, что Р. Прада возникла на той почвѣ, гдѣ развивалось литовско - русское право; она была исходнымъ пунктомъ его развитія. Ставъ на такую точку зрѣнія, едва ли можно признать правильнымъ обычный способъ изложенія исторіи

---

[25]) Краткое пособіе по русской исторіи, стр. 39.

русскаго права--сначала по Р. Правдѣ, далѣе по Псковской Судной грамотѣ, потомъ по московскому законодательству и т. д. Названные памятники являются не столько послѣдовательными стадіями въ развитіи русскаго права, сколько выразителями различныхъ типовъ его. Р. Правда послужила начальной основой для исторіи литовско-русскаго права. У новгородско-псковскаго права и московскаго законодательства были свои собственныя точки отправленія, намъ неизвѣстныя. Конечно, и отъ Р. Правды можно до извѣстной степени заключать о томъ, что было въ Новгородѣ и Псковѣ до составленія судныхъ грамотъ, а въ Сѣверо-восточной Руси до изданія уставныхъ грамотъ. Но въ данномъ случаѣ Русская Правда будетъ не прямымъ источникомъ для выводовъ, а лишь источникомъ для сужденій по аналогіи.

Н. Максимейко.

